

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

АНАЛИЗ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ И КОДЫ КУЛЬТУРЫ

© 2008 г. М. Л. Ковшова

В статье рассматривается вопрос о том, как и в каких формах воплощаются во фразеологизмах культурные смыслы, какая роль в этих процессах принадлежит кодам культуры, как связаны между собой языковая и культурная семантика и как происходит их взаимодействие при воспроизведении и восприятии фразеологизмов.

The article deals with the problem of ways and forms in which cultural meanings are realized in phraseological units, that of the role cultural codes play in this process as well as that of how the language semantics is interwoven with the cultural one and their interaction operates in speech when phraseological units are reproduced and received.

Одним из центральных для новой, лингвокультурологической парадигмы исследования во фразеологии является понятие *код культуры*, вытекающее из представления о культуре как о семиотической системе. С этой точки зрения мир – природа, артефакты, внешние качества и внутренние свойства человека – обретают в процессе их освоения и познания семиотический смысл. По словам Е.С. Кубряковой, «обретение объектом знакового характера (или – наделение его символической функцией) можно рассматривать как следствие особых актов семиозиса <...> речь идет об использовании “готового” тела (объекта, лица, ситуации) в новых смыслах и функциях: такое использование предполагает как бы определенную “идеализацию” объекта, его “трансляцию” из мира материального в мир идеальный». И далее: “...способность интерпретировать вещи и ситуации как знаки, а следовательно, осваивать мир уже не только на поверхностном, материальном, сенсомоторном уровне, ярко свидетельствует о том, что сам процесс понимания мира есть процесс инференционный, к тому же требует семиотической компетентности людей” [1, с. 96–97].

Отсюда следует, что вторичная знаковая система, основанная на семиотически маркированных материальных объектах, – это иерархически упорядоченная система *культурных кодов*, противопоставленных друг другу по каким-либо основаниям или переплетающихся между собой. Более того, каждый культурный код представляет собой свою семиотическую систему, в которой разные материальные и формальные средства могут использоваться для кодирования одного и того же содержания, сводимого в целом к картине мира, к мировоззрению данного социума. «Код культуры понимается как “сетка”, которую культура “набрасывает” на окружающий мир, членит,

категоризует, структурирует и оценивает его» [2, с. 232].

Итак, культурный код – это система знаков (знаковых тел) материального мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они приобрели значимость, которая распознается, декодируется при их восприятии интерпретатором. Знаки – носители культурных смыслов – могут быть различного характера: предметного, поведенческого, вербального и т.д. Н.И. Толстой писал: “Культура многоязычна в семиотическом смысле этого слова и нередко пользуется в одном тексте несколькими языками. <...> Считая, например, обряд таким текстом, выраженным семиотическим языком культуры, мы выделяем в нем три формы, три кода и три стороны языка – вербальную (словесную – слова), реальную (предметную – предметы, вещи) и акциональную (действенную – действия)” [3, с. 23]. Об этом же говорит Е. Бартминьски: “Лингвист <...> сталкивается с массой фактов, выраженных посредством различных культурных кодов <...>, которые образуют базовое единство, выполняющее роль когнитивной рамки отправителя, доступной для исследователя” [4, с. 106–107].

Культурные коды – ключевое звено в интерпретации фразеологизмов, которая представляется как процесс восприятия языкового знака сквозь призму культурного знания; этим знанием в том или ином объеме в силу его компетенции владеет носитель языка; это знание “вплетается” в языковой знак и образуют его культурную семантику в процессе воспроизведения и восприятия фразеологизма в речи [5].

Говоря о соотношении фразеологизма с кодами культуры, мы имеем в виду его корреспонденцию – через составляющие его слова-компоненты – с теми источниками: живыми существами, арте-

фактами, ментофактами, действиями человека, его поступками и пр., – которые явились предметами их осмысления и оценивания в процессе жизнедеятельности (см. [6, 7]).

Значение фразеологизма, как известно, не выводится из значений составляющих его слов-компонентов и закреплено в языковой памяти носителя языка. Являясь трансляторами не только языкового, но и культурного смысла, эти слова-компоненты участвуют в создании культурной семантики фразеологизма. За ними видятся не просто реалии мира, а реалии, получившие определенную культурную значимость. Соответственно наименование таких реалий становится воплощением тех или иных культурных смыслов.

Очевидно, фразеологизмы в процессе речи соотносятся также с древнейшими пластами культуры – архетипическими оппозициями, мифологическими и библейскими представлениями об устройстве мира, т.е. всем, что лежит в глубине сознания носителя языка. И это еще более усложняет и без того сложную картину функционирования фразеологизмов в речи.

Так как восприятие культурных смыслов фразеологизма происходит на слабо рефлексированном или бессознательном уровне, реконструировать этот процесс, удостоверить его прохождение позволяют, с одной стороны, результаты ассоциативного эксперимента [8], но главным образом, рефлексия самого исследователя над процессом воспроизведения и восприятия фразеологизма в речи.

Лингвокультуролог опирается прежде всего на собственную культурно-языковую компетенцию и работает методом “глубокой интроспекции”, ключевым в исследовании семантических процессов. Уместно напомнить, что еще Люсьен Теньер в работе, посвященной основам структурного синтаксиса, в отдельной главе (18), которая так и называется “Интроспективный метод”, говорил о его значимости и в то же время предупреждал об осторожном его применении. Л. Теньер пишет: “...интроспекцию упрекают в том, что ею трудно пользоваться, что она чересчур субъективна и потому опасна... Интроспективный метод можно обвинить в субъективизме, потому что он апеллирует к интуиции... Однако, кроме того, он апеллирует и к внутреннему опыту. Тем самым этот метод становится экспериментальным и, следовательно, объективным” [9, с. 49].

Действительно, метод “глубокой интроспекции” позволяет реконструировать процесс культурной интерпретации при воспроизведении и восприятии фразеологизма субъектом речи.

И эта реконструированная культурная интерпретация может рассматриваться как свидетельство особой знаковой функции фразеологизма – передавать культурные смыслы, которые способ-

ствуют пониманию собеседников не только как носителей одного языка, но и как представителей одной культуры.

Возьмем такой фразеологизм, как *впитывать* <всасывать> с молоком матери.

Значение этого фразеологизма – ‘прочно усваивать с самых ранних лет’. Имеется в виду, что кто-либо, благодаря среде, в которой он вырос, органично воспринял основы ее мировоззрения, систему ценностей, морально-этические нормы, обычаи и т.п.

Происхождение фразеологизма, очевидно, связано со сходным по образу латинским изречением: *Ut poene cum lacte nutricis errorem suxisse videamur* ‘Так что мы, кажется, почти с молоком кормилицы впитываем заблуждение’ (Цицерон, Тускуланские беседы. *With compliments, I*) [10, 344].

Приведем примеры употребления фразеологизма, который встречается обычно в речи образованных людей; в словаре этот фразеологизм имеет помету *книжн.* ‘книжное’.

Перед тобою раб. Ты – римлянка, и с молоком всосала известные понятия о рабстве (Л. Мей, Сервилия). *Она трепетала перед роковою силою этого страшного “что скажут?” С тем уж она родилась, те понятия всосала с молоком матери* (Вс. Крестовский, Петербургские трущобы). *Человек с молоком матери впитывает духовные истины, на которые он опирается всю дальнейшую жизнь. Это любовь к своему дому, к Родине, это желание трудиться, приносить пользу людям...* (Независимая газета, 2000). *Она... с молоком матери впитала любовь к труду, рабочая косточка...* (Р. Орлова, Воспоминания о непростом времени). *Она сама была возмущена своим “кощунственным” по отношению к сцене поступком, так не ввязавшимся с тем уважением к сцене, которое ей внушили с детства и которое она впитала с молоком матери* (В. Мичурина-Самойлова, Шестьдесят лет в искусстве). *Русский человек – гордый человек; с детства он с молоком матери всасывает любовь ко всему русскому* (Н. Тихонов, Великая гордость). *Одна девчонка написала...: “Я еще не знаю, люблю ли я свою родину или нет”. Та учительница как заквакает: “Это – страшная мысль! Как ты можешь не любить?... Ты с молоком матери должна была всосать любовь к Родине!”* (А. Солженицын, Раковый корпус). *...Я [Б. Пастернак] писал, что вырос в семье, где очень сильны были толстовские убеждения, всосал их с молоком матери, что он [Сталин] может располагать моей жизнью, но себя я считаю не вправе быть судьей в жизни и смерти других людей* (О. Ивинская, Годы с Борисом Пастернаком).

Попытаемся реконструировать процесс корреспонденции фразеологизма с теми пластами культурного знания, которыми в том или ином объеме, в зависимости от культурной компетенции, владеет носитель языка.

Можно отметить, что образ фразеологизма *впитывать* <*всасывать*> с молоком матери восходит к древнейшему представлению о питании как о естественном усвоении организмом человека чего-либо, о питании как способе выращивания всего живого.

Образ фразеологизма “ведет” исследователя к древнейшей мифологической форме осознания мира – анимистической, т.е. одухотворению проявлений свойств человека. Возникновение образа фразеологизма обусловлено архетипическим противопоставлением души и тела; также фразеологизм вызывает смысловые ассоциации с библейскими представлениями о пище духовной и пище физической.

В основании образа фразеологизма лежит метафорическое уподобление духовного воспитания – питанию младенцев грудным молоком и обозначает процесс усиленного восприятия чего-либо; см. этимологию слов *воспитать* и его дериватов: *воспитание*, *воспитатель*, *воспитанник*; ср. отражение сходного образа в выражении *впитывать в себя новые знания, идеи* и т.п.

Компонент *впитать* <*всосать*> соотносится с совокупностью антропного, т.е. собственно человеческого, и соматического, т.е. телесного, кодов культуры. К антропному коду относится, согласно разработанной В.Н. Телия в работе [7] системе культурных кодов, совокупность всех проявлений человека в его физическом, реляционном или функциональном планах; к соматическому – качественные и количественные характеристики тела человека, его позы, жесты и др. Совокупность компонентов *молоко матери* соотносится с соматическим, природным и гастрономическим кодом, *матери* – с антропным (а именно семейным) кодом культуры.

«Рядом с объективным ходом вещей появляется действенный, вещный и персонифицированный мир “искаженной действительности”, мировоззренческий, одновременно обязанный своим существованием первому, и не связанный с ним формально-логической последовательностью. <...> Производство, акты труда, биологические моменты – это все интерпретируется космогонически <...> Что может быть естественнее и жизненнее, чем потребность в одежде или в жилище? <...> И акт еды, житейски-реальный и вполне физиологичный, не перестает таковым же оставаться, хотя и связывается с кругом определенных образов» [11, с. 55].

Это означает, что слова-компоненты фразеологизма *впитывать*, *всасывать*, с молоком, ма-

тери являются словами, именующими ситуацию, которая стала знаковой в ее культурном осмыслении, так как составляющие ее компоненты обрели культурный смысл, отвлеченный от происходящего в конкретной ситуации.

Впитывать <*всасывать*> – это значит не просто усваивать, поглощать жидкость, пищу. Почему именно акт усвоения пищи лег в основу фразеологического образа? “Еда – центральный акт в жизни общества – осмысливается космогонически; в акте еды космос исчезает и появляется” [11, с. 64].

Впитывать <*всасывать*> – проникаться поглощенным, и поглощенное означает не материальную бытовую сущность, а сущность абстрактную – пищу духовную, идеи, мысли, правила поведения, заповеди, законы человеческого бытия. *Молоко* – слово, называющее вещество, созданное природой, и одновременно вид еды; в то же время *молоко* – знак животворящей сущности, возвращающей человека, создающей его жизненную крепость на весь срок его существования в мире.

Итак, образ фразеологизма сообщает, что происходящее в мире было увидено через процесс усвоения пищи. “Не потому, конечно, что биологическая, реальная еда дает к этому какой-либо повод; но потому, что она связана с производством и трудовыми актами в большей степени, чем что-нибудь другое; сознание не остается к этому безучастным, но работает вокруг такого важного явления – выделяет его из контекста действительности, акцентирует, выдвигает на первый мировоззренческий план, но, конечно, осмысливает его специфически, в категориях осознания мира вообще” [11, с. 64].

Но *молоко* еще и особенная пища – пища для младенцев, она ассоциируется с началом жизни, с началом восприятия жизни человеком. *Молоко матери* – словосочетание, указывающее своей формой на принадлежность чего-либо кому-либо, сущности – ее обладателю, производителю. В то же время, *молоко матери* – реалья, переживаемая в культуре: у нее есть особый, концептуальный смысл – смысл появления на свет младенца и его первого вскармливания, смысл основы, без чего нет продолжения жизни младенца, смысл кардинального источника жизни. Кроме того, реалья *молоко матери* содержит смысл связи телесной, физической между матерью и ее ребенком, метафорически понимаемой как связь между предшественниками и преемниками рода, а значит – культурных знаний, традиций, основ мировоззрения. См. употребление данного фразеологизма Ф.М. Достоевским в “Записках из Мертвого дома”: *Не так скоро поколение отрывается от того, что сидит в нем наследственно; не так скоро отказывается человек от того, что*

вошло в кровь его, передано ему, так сказать, с материнным молоком.

Таким образом, во фразеологизме *впитывать* <всасывать> с молоком матери мы видим не только совокупность слов-компонентов, с не выводимым при этом из них значением фразеологизма в целом – ‘прочно усваивать, воспринимать с раннего возраста’. Мы видим в этом фразеологизме не только образ, “вычитываемый” из буквального значения составляющих фразеологизм слов, находим не только троп – метафору, лежащую в основе внутренней формы фразеологизма. Лингвокультурологический взгляд на культурную сущность фразеологизма позволяет, путем экспликации культурной интерпретации фразеологизма, говорить о его культурном значении.

Языковое значение и культурное содержание фразеологизма *впитывать* <всасывать> с молоком матери обуславливает особую роль фразеологизма в речи – быть эталоном, т.е. мерой усвоения кем-либо морально-нравственных принципов, взглядов, а также служить мерой естественности, органичности какого-либо действия, уподобленного вскармливанию ребенка в младенчестве. Дополнительное символическое значение правильности, позитивности усвоенных взглядов, принципов вносит компонент **матери**, символизирующий неиссякаемый источник добра, любви и душевной теплоты; см. выражения *материнская любовь, материнская забота, сердце матери*.

Фразеологизм *впитывать* <всасывать> с молоком матери как культурный знак свидетельствует: в желании осмыслить не бытовое, а бытийное значение всего того, что происходит в мире, человек культурный придал обычной ситуации – кормлению младенца материнским молоком – символический смысл, соединяющий данную ситуацию с ценностями, выделенными человеком в процессе осознания мира.

Итак, мы попытались доказать, что субъект речи, воспроизводя и воспринимая фразеологизм в процессе общения, не только проявляет свою языковую компетенцию – употребляет фразеологизм в соответствии с его языковым значением. На глубинном уровне своего сознания субъект речи осуществляет культурную интерпретацию фразеологизма, “выходя”, с опорой на слова-компоненты, в пространство культурных кодов, передавая и получая, разумеется, не в виде столь развернутого текста, а в виде импульсов, ассоциаций, сгустков образов и эмоций – культурные смыслы фразеологизма. Исследователь, моделируя процесс культурной интерпретации, лишь придает ему полноту и относительную завершенность.

Приведем результаты такого моделирования в виде культурного комментария и к другим фра-

зеологизмам – *как в воду глядеть, белый свет <мир> клином сошелся, небо коптить*.

Значение фразеологизма *как в воду глядеть* <смотреть> – ‘Как будто знать заранее; предвидеть, предугадать то, что произойдет в будущем’. Имеется в виду, что кто-либо оказался удивительно догадлив, прозорлив в своих предположениях, проницателен в предпринятых им ранее действиях.

Обратимся сперва к примерам использования данного фразеологизма.

– *В их [немцев] численности сильно просчитались, – сказал Серпилин. – Ну, тут я, по совести, не могу сказать, что как в воду глядел. Глядел, как все. И обсчитался, как все. А в сроках оказался прав* (К. Симонов, Солдатами не рождаются). *Накануне последнего дня соревнований тренер наших гимнасток принял решение – заменить Хоркину на Замолодчикову. И как в воду глядел: Елена Замолодчикова завоевала золотую медаль* (Радио России, 2000). *Елизавета [в детстве] любила, чтобы ее называли принцессой. И как в воду глядела. В начале 1920-х в кругу “золотой молодежи” она познакомится со своим будущим мужем. Им станет младший сын короля, герцог Йоркский, принц Альберт* (Независимая газета, 2000). *“Ну что ж, – сказал парторг, – я вижу, мы не договорились... С такими взглядами можно далеко докатиться”. И действительно, парторг как в воду глядел. Наш ученый вскоре докатился в столыпинском вагоне до Колымы* (В. Войнович, Претендент на престол: новые приключения солдата Ивана Чонкина). *Нуца знала, что муж ее уже завелся и теперь еще долго будет пить, скорее всего всю ночь... Она как в воду смотрела* (Ф. Искандер, Сандро из Чегема).

В образе данного фразеологизма отражена древнейшая форма осознания одного из способов восприятия мира, зрения, как познания, “внутреннего видения”: *глядеть* значит *познавать*. В основе фразеологизма лежит конструкция сравнения, где задано свойство “предвидение” и его эталон, т.е. мера, **в воду глядеть**. Происхождение фразеологизма напрямую связано с обрядом гадания на воде, гидромантией; носителю языка известно, что, согласно суеверным представлениям, знахарь или тот, кто к нему обращается, поглядев в ковш с чистой водой, может увидеть (узнать) в нем то, что происходило, происходит в действительности или произойдет в будущем. В образе фразеологизма компонент *глядеть* соотносится с антропным, т.е. собственно человеческим, кодом культуры, компонент **вода** – с природным кодом, к которому относятся природные объекты или их части.

В русских мифологических текстах (сказках, быличках, легендах) о будущем можно узнать с помощью волшебных предметов, имеющих свойства зеркального отражения. В образе фразеоло-

гизма в качестве такой волшебной среды выступает **вода**, которая отождествляется с зеркалом по своему свойству отражать “зазеркальный” мир (вспоминаются сказки о волшебном зеркальце, о волшебной книге, которая *показывает* мир, о блюдецке, по которому катится яблочко, создавая зеркальную поверхность и т.п.). **Вода** в русской народной культуре является одним из наиболее распространенных средств, используемых в различных обрядах, связанных с предсказанием и ворожбой. Бросают камни в воду: забурлит вода – муж будет вертун; замораживают к Новому году воду в ложке: пузыри – к долговечности, ямка сверху – к смерти; спускают венки на воду: утонет – к смерти, поплывет – к замужеству и т.п.

По ассоциации вспоминаются также архаичные представления о воде как о реке времени, в потоке которой заключено прошлое, настоящее и будущее человечества; вспоминаются образные русские выражения: *Много с тех пор воды утекло; Что было, то уплыло / сплыло*; библейский текст: “И показал мне чистую реку воды жизни, светлую как кристалл, исходящую от престола Бога и Агнца” (Откровения св. Иоанна Богослова, 22:1).

Перейдем к другому фразеологизму. Значение фразеологизма *белый свет* <мир> *клином сошелся* – ‘Установился окончательный и единственный, предельно узкий выбор чего-либо’. Имеется в виду, что для лица, группы лиц другое лицо, группа лиц, предмет, какое-либо увлечение, занятие являются самым желаемым; представляются незаменимыми в осуществлении каких-либо задач, намерений. Например:

– *Если она не ответит мне и на это письмо, то все – вычеркну тогда ее из своей личной жизни. Дам ей понять, что на ней свет клином не сошелся...* (В. Аксенов, Апельсины из Марокко). – *Отступить мы, правда, не думаем, – сказал Серпилин. – Но на нас свет клином не сошелся, повидали, как у нас, поезжайте посмотрите, как у других* (К. Симонов, Живые и мертвые). “*Мамочка, где мои очки?!*” *Нина строго нахмурилась: “Чего психуешь? Можно подумать, свет клином на твоих очках сошелся...”* (М. Черненко, Ставка на проигрыш). [Федор Иванович:] ...*Марк – для него свет клином на музыке сошелся...* (В. Розов, Вечно живые). *Из двух мест я уже ушел “по собственному желанию”.* *Можно бы уйти и отсюда – на этом городе свет клином не сошелся – но мне уже надоело скитаться* (В. Войнович, Путем взаимной переписки). *Мария Галина в том сборнике участия не принимала. Но, может быть, “забыли” не только Галину? Ведь вряд ли мир клином сошелся на десятке “раскрученных” имен...* (Независимая газета, 2001).

Данный фразеологизм вызывает в памяти архетипическое представление о белом свете как об

окружающем мире, вселенной, а также знания о мифологическом противопоставлении светлого, солнечного мира живых – темному царству мертвых. Совокупность компонентов **свет (белый свет, мир) сошелся** соотносится с пространственным кодом, обозначающим членение пространства; компонент **клином** – с пространственным и антропным, т.е. собственно человеческим, кодом культуры, так как является измерительной категорией в отношении деятельности человека на “своем”, принадлежащем ему участке.

Образ фразеологизма говорит о противопоставлении “своего”, обжитого (**клин**) и всеобщего (**свет, мир**) пространства, а также вызывает в сознании противопоставленные смыслы “узкий – широкий”. Фразеологизм создается пространственной метафорой, с помощью которой подчеркивается несоизмеримость узкого, маленького участка земли и широкого пространства всего окружающего мира. **Клин** выполняет здесь роль эталона, т.е. меры, уменьшения, ограничения *целого до части*. В образ вкраплено и олицетворение, т.е. приписывание природному объекту (**свет, белый свет, мир**) действия, присущего человеку (**сошелся**). Тем самым в нем отображаются культурные установки, известные каждому носителю русского языка и культуры; они предписывают увеличивать, расширять, а не сужать границы “своего” пространства, говорят о том, что главное – возможность выбора. См. в русском фольклоре: *Свет-то не углом (клином) сошелся, найдешь себе место; На свету не на клину – места для всех будет; Не только свету, что в окне: на улицу выйдешь, больше увидишь*.

Таким образом, фразеологизм передает стереотипное представление о предельном сужении интересов, пристрастий, занятий кого-либо до чего-либо одного, заменяющего все остальное.

Фразеологизм *небо коптить* имеет значение – ‘Существовать без определенной жизненной цели, жить без пользы для других’. Подразумевается, что лицо, группа лиц проживает свою жизнь впустую, бессмысленно тратит ее на скучное, бесцельное времяпрепровождение, не участвуя в активной деятельности.

Приведем примеры:

По-разному умеют коптить небо на Руси. Полмиллиона сидней, увальней и байбаков дремлют в своих усадьбах непробудно и бесплодно (А. Новиков, Впереди идущие). – *Я тут в родных местах поштался немного, пора и за дело браться. А работать я привык, без хлопот и жить скучно. Человек рождается на белый свет не для того, чтоб небо коптить...* (О. Лутс, Лето). *И... если тебя провожают аплодисментами не из любезности, а сердечно, а это всегда понятно, если лица людей светятся улыбками, сочувствием, признательностью, то невольно возни-*

кает нехитрая мысль, вроде той: “А, мол, действительно, может, ты не зря **коптишь небо!**..” (Э. Рязанов, Неподведенные итоги). – П-пенсию я получаю хорошую. Жить можно, но без работы т-тоскливо. ...Н-не могу так болтаться и **небо коптить** (Г. Матвеев, Новый директор).

Образ фразеологизма вызывает в сознании аналогию “жизнь – горение; смерть – угасание”, а также более древнее архетипическое противопоставление “свет – тьма”, в мифологии понимаемое как противопоставление жизни и смерти; могут возникать ассоциации с мифом о Прометее, подарившем людям огонь как символ жизни. Итак, фразеологизм основан на противопоставлении образов яркого горения и тусклого, смрадного тления. Если горение отражает представление об активной, приносящей пользу людям жизнедеятельности человека, призванного своим существованием украшать Землю, то тление говорит о бездейтельном, бесцельном существовании человека.

Компонент **небо** соотносится с космическим кодом культуры, а компонент **коптит** – с антропным кодом. Метафора постепенного угасания, тления воспринимается как загрязнение Неба – символа высшей чистоты, что согласуется с универсальным для многих древнейших культур представлением о небесном своде как хрустально чистом пространстве, “венчающем” землю.

Фразеологизм в целом отображает универсальную для европейской культуры установку, предписывающую человеку активную деятельность, полезную и благотворную для него, для других людей и для окружающего природного мира. См. в библейских текстах: “Пойди к муравью, ленивец, посмотри на действия его и будь мудрым. Доколе ты, ленивец, будешь спать? Когда ты встанешь от сна твоего?... От всякого труда есть прибыль” (Сол. 6: 6–11; 14: 23). Об этом говорится и в русском фольклоре: *У Бога небо коптит, у царя земного землю топчет; Живем да хлеб жуем, спим да небо коптим; Небо коптит да Бога гневить*.

Итак, восприятие фразеологизма осуществляется сквозь призму культурного знания, в которое входят архетипические формы осознания и моделирования мира; древнейшие мифологические представления, в частности, анимизм, фетишизм, табу; мифопоэтические представления; социокультурные прескрипции, или установки культуры, в частности, ритуал, этикет и др.

Ключевым звеном культурной интерпретации фразеологизма является соотнесение его слов-

компонентов с кодами культуры; именно эта процедура обуславливает декодирование культурных смыслов фразеологизма, служащих интерпретантами фразеологического знака, реконструирует культурную коннотацию фразеологизма, формирует его роль как знака культуры. Слова-компоненты, не имеющие собственно лексического значения в составе фразеологизма, тем не менее прочитываются в кодах культуры, т.е. эксплицируют воплощенный в них свернутый культурный смысл, и этим участвуют в культурном осознании фразеологического образа.

Слова-компоненты фразеологизма, соотнесенные с теми или иными кодами культуры, “возвращаются” во фразеологизм, обогащенные культурными смыслами; так культурная семантика “вплетается” в семантику языковую.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кубрякова Е.С. О семиотически маркированных объектах и семантически маркированных ситуациях в языке // Концептуальное пространство языка. Сборник научных трудов. Посвящается юбилею проф. Н.Н. Болдырева. Тамбов, 2005.
2. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М., 2002.
3. Толстой Н.И. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М., 1995.
4. Бартминьски Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М., 2005.
5. Ковишова М.Л. Языковая и культурная специфика фразеологического знака: теоретические и методологические основы исследования // Вопросы филологии. 2006. № 3.
6. Телия В.Н. О феномене воспроизводимости языковых выражений // Язык, сознание, коммуникация. М., 2005. Вып. 30.
7. Телия В.Н. (отв. ред.) Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий. М., 2006.
8. Ковишова М.Л. Фразеологизмы как “сжатые” тексты культуры в экспериментальном исследовании // Речевая деятельность. Языковое сознание. Общающиеся личности. Материалы XV Международного симпозиума по психоллингвистике и теории коммуникации. М., 2006.
9. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.
10. Михельсон М.И. Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. В 2 т. Т. 2. М., 1994.
11. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997.